РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V.V. Vinogradov Russian Language Institute

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

XIII

Культура русской речи

Главный редактор А.М. Молдован

МОСКВА
2017

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. — М., 2017. 504 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА
Е. В. Бешенкова, к. филол. наук (Москва, Россия);
О. Е. Иванова, к. филол. наук (Москва, Россия);
М. С. Картышева, (Москва, Россия);
Е. Я. Шмелева, к. филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017
©Авторы, 2017

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute

XIII

Russian Linguistic Standards

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW
2017

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2017, No. 13. Russian Linguistic Standards. — M., 2017. 504 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD
Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE
Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE
Elena V. Beshenkova, Ph.D. (Moscow, Russia);
Olga E. Ivanova, Ph.D. (Moscow, Russia);
Marija S. Kartysheva, (Moscow, Russia);
Elena Ya. Shmeleva, Ph.D. (Moscow, Russia).

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77–57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2017
© by Authors, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Фонетика и акцентология

Н. Ю. Авина (Вильнюс)
«В какую сторону думать?»: о культуре русской речи студентов-билингвов в ситуации языкового контактирования . . . 13
Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург)
Агрессивный узус или эволюция языковой нормы? (приглашение к дискуссии) . . . 21
Л. Н. Дьякова, Н. А. Козельская, И. А. Стернин (Воронеж)
Опыт описания сферы незнания и интереса носителя языка (на материале языкового сознания воронежцев) . . . 35
А. Г. Жукова (Москва)
Ненормы в современной коммуникации (на примере лексемы функционал) . . . 42
О. С. Иссерс (Омск)
Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры) . . . 50
Е. М. Лазуткина (Москва)
О разрушении национальных языков в эпоху глобализации . . . 60
М. В. Ляпон (Москва)
Игровая риторика — практикум по культуре речи . . . 66
Н. Б. Мечковская (Минск)
Языковая демократизация, либерализация и встречные процессы: соотношение стихии и планирования . . . 75
О. В. Мякшева, О. Б. Сиротинина (Саратов)
Государственный (литературный) русский язык: обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус . . . 89
Е. А. Никишина (Москва)
Наклейки на автомобилях как малый жанр в системе речевого взаимодействия на дороге . . . 96
Е. Ю. Протасова (Хельсинки)
Соблюдение регламента на конференции: реплики участников . . . 104
Т. Б. Радбиль (Москва)
Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира . . . 114
Р. Ратмайр (Вена)
Культура речи в этических кодексах компаний и реальное общение на примере обслуживания клиентов . . . 122
Н. Н. Розанова (Москва)
Разговорная лексика в «контексте» стереотипных ситуаций городского общения и проблемы ее словарного представления в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР) . . . 133
С. О. Савчук (Москва)
Устная научная речь в свете корпусных данных . . . 143
О. И. Северская (Москва)
«Через время, через расстояние»: стилистическая ошибка, эллипсис или рекурсия нормы? . . . 152
Г. Н. Скляревская (Санкт-Петербург)
«Так не говорят», или еще раз о системе, норме и узусе (взгляд лексикографа) . . . 160

А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова (Москва)
О кодификации языковых норм в «Академическом толковом словаре русского языка» . . . 167
В. Д. Черняк (Санкт-Петербург)
«Вечные вопросы» культуры речи в лексикографической традиции и современной словарной интерпретации . . . 175
С. Д. Шелов (Москва)
Основные проблемы терминоведения: некоторые итоги . . . 183
А. Д. Шмелев (Москва)
Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? . . . 191
Е. Я. Шмелева (Москва)
Язык «эффективных менеджеров»: общий жаргон или русский язык XXI века? . . . 199
Т. В. Шмелева (Великий Новгород)
Грамматика новгородцев: региональная норма? . . . 206
Т. Е. Янко (Москва)
О просодической вариативности . . . 212

Лексика и грамматика: узус и норма

Е. Г. Борисова (Москва)
О факультативных фрагментах смысла высказывания (еще раз о словах-паразитах) . . . 222
И. Т. Вепрева, Н. А. Купина (Екатеринбург)
Заметки об узуальных сдвигах в лексической семантике . . . 230
М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)
Элиминация темы и постулат о базовом порядке слов в русском языке . . . 237
С. М. Евграфова (Москва)
Грамматика понимания и грамматика порождения текста и проблемы вербального обучения . . . 245
О. П. Ермакова (Калуга)
Возможности словообразования в сфере выражения логических категорий . . . 254
Г. И. Кустова (Москва)
Наречный квазирелятив как положено: семантика и типы употребления . . . 264
А. Б. Летучий (Москва)
Асимметрия употребления местоимений что и кто и морфологическая одушевлённость . . . 272
И. А. Магеррамов (Москва)
О типовых нарушениях синтаксиса в современных медиатекстах . . . 282
Е. В. Маринова (Нижний Новгород)
Ценностные эпитеты в системе этических представлений современных пользователей Интернета . . . 289
Н. А. Николина (Москва)
Типы и функции контаминированных образований в современной русской речи . . . 295
М. В. Трубицина (Москва)
Согласование в конструкциях с названиями в русском языке . . . 302
Е. В. Урысон (Москва)
Наречие *сразу*: семантика и грамматика . . . 311
М. Ю. Федосюк (Москва)
Предложение как текст: стилистический и культурноречевой аспекты . . . 321
О. Е. Фролова (Москва)
Социальная стратификация: от метафоры к словообразованию . . . 330
В. Н. Шапошников (Москва)
Семантический потенциал частиц и развитие лексико-грамматических вариантов: границы слова и границы нормы . . . 339

И. А. Шаронов (Москва)
Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние 347
М. В. Шульга (Москва)
О развитии синтетических средств в динамике русского языка 356
С. Янурик (Будапешт)
Английские заимствования с исходом на -Ш(Е)Н И -Ж(Е)Н в русском языке последних лет в свете словарных и корпусных данных 363

Орфография и орфоэпия

Е. В. Бешенкова (Москва)
Ретроспекция как фактор ортологической политики орфографистов. Часть 1 374
Л. А. Вербицкая (Москва)
Особенности фиксации орфоэпической нормы сегодня 382
С. В. Друговейко-Должанская (Санкт-Петербург)
К чему (зиц)председателю дефис, или графиксация как симптом 402
Л. В. Зубова (Санкт-Петербург)
Орфографическая стилистика 413
О. Е. Иванова (Москва)
Орфографическая кодификация и социальная динамика. 423
И. Б. Иткин, В. Д. Пекарская (Москва)
Международный скандал (сложные слова с первым компонентом меж- ~ между- в истории русского литературного языка) 432
В. В. Каверина (Москва)
Основные тенденции употребления консонантного удвоения в заимствованных словах. 441
М. С. Картышева (Москва)
Современное употребление и историческая динамика распределения первых компонентов дву-/двух- в сложных словах 450
И. В. Нечаева (Москва)
Употребление прописной графемы: аргументы и факторы 456
Н. В. Николенкова (Москва)
Употребление прописной буквы: история и современная кодификация 466
А. А. Плетнева (Москва)
Народное правописание и реформа орфографии 1917–1918 годов. 473
С. К. Пожарицкая (Москва)
Орфоэпия в эпоху корпусной лингвистики: динамика вариантов и их оценка 482
С. В. Феликсов (Москва)
Типы вариантных написаний религиозной лексики в лексикографических произведениях гражданской печати второй половины XVIII века 495

А. Б. Летучий
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия)
alexander.letuchiy@gmail.com

АСИММЕТРИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ ЧТО И КТО И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ОДУШЕВЛЁННОСТЬ

В статье рассматривается одно ограничение на употребление вопросительного местоимения что. Это местоимение избегает конструкций, где оно синтаксически параллельно и кореферентно анафорическим местоимениям *он / она / оно.* Например, в конструкции уточнения антецедента типа — *Я ему позвоню. — Кому «ему»?* местоимение *что* не употребляется в случаях, когда его форма отличается от формы анафорического местоимения (невозможно, например, — *Я его купил. — Что «его»?*). Мы рассматриваем разные возможные объяснения этого факта и приходим к выводу, что ни объяснение в терминах буквального совпадения форм, ни объяснение, ориентированное на референцию, не описывают ситуации. Скорее речь о том, что должны совпадать грамматические характеристики местоимений: тип склонения, одушевлённость и род.

Ключевые слова: одушевлённость, вопросительные местоимения, анафорические местоимения, тип склонения

1. Введение

Давно замечено, что в русском языке категория грамматической одушевлённости не полностью соответствует одушевлённости семантической. Часто приводится пример со словами *покойник* и *труп,* из которых первое относится к грамматически одушевлённым а второе — к неодушевлённым:

(1) *Я видел покойника (*покойник) / труп* (**трупа*).

В частности, одно из проявлений этого несоответствия состоит в том, что местоимение *он* всегда грамматически одушевлено — вне зависимости от того, к какому типу объекта оно относится. В предложении (2):

(2) *Я её уже видел.*

— местоимение *его* может относиться, например, к *Маше*, а может — к *новой машине*.

С другой стороны, местоимения *что* и *кто* в своём поведении более соответствуют семантической одушевлённости: *что* грамматически не одушевлено, а *кто* одушевлено:

(3) *Что / кого ты видел?*

Ниже мы покажем, что грамматическая природа категории одушевлённости проявляется ещё и в сочетаемости «одушевлённых» и «неодушевлённых» местоимений.

Грамматическая категория одушевлённости, как указано в работе (Крысько 1994), сформировалась к XVII в. В русском языке это противопоставление напрямую завязано на одушевлённость, однако в целом, согласно [Воейкова 2011] и (Malchukov, de Swart 2009), входит в круг явлений, называемых «differential object marking» («дифференциального объектного маркирования»). Явление подразумевает, что различные типы объектов получают разное маркирование.

2. Конструкции уточнения антецедента

В русском языке есть специальная конструкция переспроса типа (4), относящаяся к местоимениям:

(4) *Сказывай, бесстыжая, где ты с ним познакомилась? — обращается она к сестрице. — С кем «с ним»? — С ним, с шематоном с своим?* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)]

(5) *Ты его хорошо знаешь? — Кого— его? — не понял я. — Ну мента этого…* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

(6) — *Да не нервничай ты — я все равно собиралась тебе ее показать. — Кого — ее?* [Дина Сабитова. Цирк в шкатулке (2007)]

Если слушающему неочевидно, к чему говорящий относит местоимение, для уточнения антецедента *кто* и анафорическое местоимение просто ставятся рядом. Конструкция сочетается со всеми формами местоимений *он* и *она* — например, с винительным (5), (6) и с творительным (4) падежами. Если исходное местоимение употреблялось при предлоге, при переспросе предлог употребляется и перед вопросительным, и перед анафорическим местоимением.

Хотя теоретически эта конструкция могла бы относиться не только к местоимениям, но и к существительным, этого на деле не происходит. Например, слова *поэт* или *человек* могут иметь разных референтов, употребляясь как средства анафоры:

(7) *Говорят, что перед смертью поэт перестал верить в Бога. *Кто — поэт?*

(8) — *Мне человек говорил, что ты уехал. — *Кто человек?*

В аналогичной функции в (7) и (8) нужно использовать нормальную именную группу с вопросительным местоимением типа *какой человек* или *какой именно поэт*).

3. Нестандартная одушевлённость

Перейдём теперь к нестандартному свойству рассматриваемой конструкции. Как показывают контексты ниже, *кто* при переспросе может относиться

к неодушевлённым предметам: в (9) — к ожерелью, в (10) — к шкатулке, а в (11) — к взрыву.

(9) *Он положил перед Кариной снимок. Та бросила сперва незаинтересованный короткий взгляд, потом поднесла к глазам и побледнела. — Значит, Лёня все-таки сделал его… — Кого — его? — Погодите. — Карина сжала голову ладонями, зажмурилась, потом снова долго рассматривала ожерелье на фотографии. — Да, это оно.* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]

(10) *— Да не нервничай ты — я все равно собиралась тебе ее показать. — Кого — ее? Шкатулка взяла его за руку и потянула за собой — в фургон. …— Вот она, на столе, — сказала за его спиной Эва. На столе, в самом центре, на клетчатой скатерти стояла музыкальная шкатулка*. [Дина Сабитова. Цирк в шкатулке (2007)]

(11) *Но ты его видел? — Кого — его? — Взрыв, конечно!* (Э.-Э. Шмидт. Человек, который видел сквозь лица).

Даже более существенно то, что употребление *что* в таких контекстах практически невозможно:

(12) *??— Но ты его видел? — Что — его? — Взрыв, конечно!*

(13) *??— Я всё равно собиралась тебе её показать. — Что — её?*

Местоимение *что* допустимо только в том случае, когда совпадает по форме с анафорическим — то есть во всех падежах, кроме винительного:

(14) *Оно с вечера, когда нужно, так и не болит… — А что — оно? Оно — что болит? — Да разобраться, бывает, и ничего не болит.* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

(15) *А ведь это — оно... — Что? Что — оно? — То, что мы искали.* (М. Успенский, А. Лазарчук. Гиперборейская чума).

По примерам (14) и (15) может показаться, что обязательно только совпадение граммем падежа. В действительности, однако, странно выглядят даже примеры, где *что* сочетается с *он* или *она* в именительном падеже:

(16) *? — Это она / он. — Что — она / он?*

При этом, если выкинуть из рассмотрения винительный падеж, в котором есть различие между *что* и *он / она / оно* по одушевлённости, остальные падежи тоже ведут себя не одинаково. В именительном падеже, как в (14) и (15), допустимо местоимение *оно*. В косвенных падежах возможны *оно* и *он*, но сомнительно *она*, поскольку окончания совпадают у мужского и среднего родов, а для женского используются другие:

(17) *— С ним при эксперименте возникает другая проблема. — С чем «с ним»? — С этим минералом.*

(18) *— С ней при эксперименте возникает другая проблема. — ?С чем «с ней»? — С этой щёлочью.*

Надо сказать, что некоторая асимметрия возникает даже при местоимении *кто*, хотя она гораздо слабее, чем при *что*. Эта асимметрия касается случаев, когда форма анафорического местоимения сильно отличается от *кто* — не только по форме, но и по количеству слогов: вопрос *Кому «ей»?* несколько более шероховат, чем *Кому «ему»*, хотя вряд ли неприемлем.

4. Другие конструкции с ограничением на употребление *что*

4.1. Переспрос без повтора анафорического местоимения

Сходное ограничение действует и просто для переспроса о референте анафорического местоимения, без конструкции с повтором *он, она, оно*:

(19) *?— Я его потерял. — Что?*

(20) *?— Покажи мне её. — Что?*

Тем самым, *что* сомнительно и в других случаях, когда непосредственно следует или предшествует анафорическому местоимению и кореферентно ему, не обязательно, чтобы два местоимения выступали в рамках одной конструкции. Правда, в этих случаях вряд ли допустимо местоимение *кто* — при его употреблении будет навязываться понимание, что говорящий интерпретирует референт анафорического местоимения как неодушевлённый:

(21) *# — Я его потерял. — Кого?*

Естественно, и здесь при одушевлённом референте последовательность с *кто* звучит абсолютно нормально:

(22) *— Я его боюсь. — Кого? — Да этого доктора.*

4.2. Контекст «присвоения референта»

Ещё один контекст асимметрии — случай, когда референт для анафорического местоимения выбирается постфактум самим говорящим. И здесь «одушевлённые» контексты нормальны:

(23) *Ну, убью я его… Неважно кого: лицейского друга Мишу Яковлева, шалопая Вульфа или добрейшего Сергея Абрамовича Баратынского, влюбленного в мою жену и тоже обманутого ею, или другого, неизвестного* … [Ю.М. Нагибин. У Крестовского перевоза (1972–1979)]

«Неодушевлённые» выглядят сомнительно:

(24) *?Ну куплю я её. Неважно, кровать или кушетку.*

(25) *?Ну куплю я его. Неважно, стол или телевизор.*

Как и в предыдущем случае, *кто* в этом «неодушевлённом» контексте также недопустимо.

4.3. Отсутствие ограничений в других типах конструкций

Для сравнения приведём похожие конструкции, где ограничения отсутствуют. Например, ограничения не возникают в случае противопоставления, когда *его* и *что* (и его дериваты *что-то, что-нибудь* и др.) относятся к разным референтам:

(26) *Принесли мне явно не его, а что-то из дешевого и противного.* (shisha-nsk.ru/index.php/restaurant/reviews.html)

Точно так же, видимо, отсутствуют ограничения на контексты, где референт *его* включается в число возможных референтов, предполагаемых при вопросе со *что*:

(27) — *У меня была мысль подарить дедушке телефон. — Так что ты всё-таки даришь: его или что-нибудь другое?*
(28) — *У меня была мысль пригласить Кёнига на конференцию. — Так кого ты всё-таки приглашаешь: его или кого-нибудь другого?*

Наконец, ограничения обычно отсутствуют в случаях, когда местоимения *что* и *он / она / оно* кореферентны, но расположены на некотором расстоянии друг от друга, например, разделены полной именной группой с тем же референтом:
(29) — *Что ты купил? — Ноутбук. — А зачем ты его купил?*

5. Возможные объяснения

В этом разделе мы рассмотрим возможные объяснения ограничений на употребление *что* в примерах типа (12) и (13). Как мы покажем, ни строго формальная гипотеза (полное совпадение форм), ни семантическая / референциальная не проходят. Скорее объяснение должно быть парадигматическим: требуется совпадение типа склонения.

5.1. Идентичность форм

Известно, что и некоторые другие процессы в языке регулируются именно формальной идентичностью форм или основ. Так, другая русская конструкция *Рть-то он Рт* (*лежать-то он лежит, прыгать-то он прыгает*) невозможна в том случае, когда у глагола не совпадают основы инфинитива и настоящего времени:
(30) **быть-то он есть*

В этом случае надо предположить, что сочетания типа *Что — она* или *Что — он* запрещены потому, что местоимения *она* и *он* не имеют окончания *-о*), в отличие от местоимения *оно* — именно поэтому сочетание *Что — оно* возможно.

Тем не менее, это объяснение маловероятно. Хотя и *что*, и *оно* — формы именительного падежа, гласный *-о* в форме *что* вряд ли осознаётся как показатель именительного падежа. Это означает, что сочетания типа (12) и (13) запрещены не из-за формального различия между окончаниями, а именно из-за различия в граммемах рода и типе склонения.

5.2. Подход Идиатова: асимметрия одушевлённых и неодушевлённых объектов

Ещё один подход, ориентированный в большей мере на семантику и референтные свойства объектов, предложен в работах Д. Идиатова (2007). Автор показывает, например, что в первом из приведённых ниже предложений нормально выглядит «одушевлённое» местоимение *who*, а во втором «неодушевлённое» *what* неприемлемо:
(31) *There are plenty of women. Who / which (one) is Mary?*
(32) *There are plenty of books. Which (one) / *what is “Anna Karenina”.*

Этот контраст объясняется контрастом в референтных свойствах двух типов оъектов. Считается, что местоимение *who* стандартно предполагает в качестве ответа именно конкретный объект, что соответствует заданной ситуации. Напротив, *what* нередко сочетается с названиями классов объектов или их типовых представителей. Поэтому для вопроса о том, какая именно книга из класса является **конкретной** книгой «Анна Каренина» нужно использовать *which* или *which one*.

Однако этот подход, весьма продуктивный для типологии вопросительных элементов, едва ли подходит для нашего случая. Во-первых, он не объясняет, почему в контекстах типа (9) и (10) может нестандартно, в применении к неодушевлённому референту, использоваться местоимение *кто*. Естественно, вне контекста переспроса об антецеденте употребление типа (33) невозможно:

(33) **Кого ты хочешь мне показать — шкатулку или монету?*

Во-вторых, контекст переспроса в целом (не переспроса о референте местоимения) допускает *что*, но вне рассматриваемой конструкции:

(34) — *Я купил газету. — Что? Газету?*

В-третьих, сама природа переспроса предполагает, что никакого выделения из класса не предполагается — говорящий только уточняет референт встретившегося в речи местоимения. Тем самым, вряд ли контраст по референции здесь вообще может играть роль.

Исключением может быть конструкция «присвоения референта», как в примерах (23)-(25). Она может быть объяснена через референтные свойства, однако не совсем так, как это делает Идиатов. По-видимому, (24) и (25) хуже, чем (23) потому, что все одушевлённые объекты принадлежат к одному довольно гомогенному классу — классу живых существ (а в очень большом проценте случаев — даже к классу людей). Именно поэтому допустимо употребить местоимение *его*, а затем подобрать референта. Напротив, для неодушевлённых контекстов это странно — слишком уж немотивированным представляется употребление анафорического местоимения при полном отсутствии указания на класс, из которого выбирается референт (класс неодушевлённых предметов крайне гетерогенен).

5.3. Объяснение

Мы предлагаем объяснение, связанное с идентичностью форм, но не тождественное ему. Мы считаем, что ключевым для запрета на примеры типа (12) или (13) является не абсолютное тождество формы, а тип склонения.

С этим связано два наблюдаемых запрета: (1) запрет на переспрос типа *Что «его»?* (различается тип образования винительного падежа — «одушевлённый» у *его* и «неодушевлённый» у *что*) и (2) запрет в косвенных падежах на переспрос типа *Что «он»?* или *Что «она»?* при возможном *Что «оно»?* (несовпадение рода автоматически влечёт за собой несовпадение типа образования формы).

Грамматический контекст: другие ограничения на употребление местоимения *что*

Рассматриваемые нами конструкции — не единственные, где контексты употребления местоимений с одушевлённым и неодушевлённым антецедентом асимметричны. Так, Е. В. Падучева (1985) убедительно показывает, что местоимения *он, она, оно* употребляется по-разному по отношению к одушевлённым и неодушевлённым объектам. Рассматривалась и асимметрия в употреблении вопросительных местоимений. Не претендуя на исчисление случаев такой асимметрии, мы упомянем некоторые из них.

Например, в работе (Летучий 2015) показано, что *что* ограниченно употребляется в вопросительных конструкциях с нулевой связкой:

(35) *Кто твой любимый герой?* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]

(36) **Что твоё любимое стихотворение?*

(37) *Кто из них писатель?*

(38) **Что из них музей?*

Для данных контекстов внешне подходит гипотеза Идиатова (2007) о различии в референции. Казалость бы, можно считать, что *что* недопустимо потому, что стандартно не указывает на единичный объект. Однако при применении этого подхода возникают сложности: например, неясно, почему *что* сомнительно именно в конструкциях с нулевой связкой. Сходные контексты приемлемы, если предикат выражен лексически:

(39) **Что главный фактор победы в Великой Отечественной?*

(40) *Что было главным фактором победы в Великой Отечественной?*

Мы посчитали, что неграмматичность предложений типа (36), (38) и (39) обусловлена ещё и природой конструкций с нулевой связкой. Стандартно они фиксируют некоторое свойство субъекта, выраженное именной частью сказуемого. Для одушевлённых объектов такие конструкции очень естественны, поскольку они концептуализуются языком как имеющие несколько свойств: например, *любимый герой* является не только героем, но и человеком, представителем какой-то профессии, социальной группы и так далее. Напротив, неодушевлённые объекты язык описывает как имеющие одно основное свойство: например, *любимое стихотворение* — это просто стихотворение. В этой связи предложения типа (36) и (38) выглядят странно, поскольку на глубинном уровне почти тождественны конструкциям типа *Какое стихотворение — твоё любимое стихотворение.*

При применении связки *был* предложение становится менее странным, поскольку объект не полностью отождествляется со своим свойством. Если мы спрашиваем, *Что было главным фактором победы*, то некоторый фактор, который в прошлом был фактором победы, сейчас может играть какую-нибудь другую роль. Поэтому конструкции с неодушевлёнными объектами приемлемы.

6. Заключение

В нашей работе мы рассмотрели один из типов асимметрии между «одушевлёнными» и «неодушевлёнными» местоимениями. Как выяснилось, в конструкциях переспроса и близких к ним конструкциях «присвоения антецедента» язык

старается избежать кореферентности между местоимением *что* и анафорическими местоимениями.

Как мы выяснили, это вряд ли объясняется формальным тождеством показателей. Гласный *что* в вопросительном местоимении (а, возможно, и конечные гласные в местоимениях *она* и *оно*) едва ли понимается носителями как показатель именительного падежа: общая нестандартность парадигм местоимений и противопоставления между именительным и всеми остальными падежами скорее делает формы неделимыми для носителя.

В то же время вряд ли играет роль различие в референциальных свойствах местоимений. Контекст переспроса не является стандартным референтным контекстом для вопросительных местоимений — речь не идёт ни о выборе класса референтов, ни о выборе конкретного объекта, а только об уточнении уже введённого в коммуникацию референта.

Скорее речь идёт о том, что даже для русского языка, где в целом вариант винительного падежа, совпадающий с родительным, и формы, совпадающие с именительным, не противопоставляются системой, эти формы всё-таки различаются в тех контекстах, где элементы с разным поведением сведены в одну конструкцию. Предельным случаем является конструкция переспроса *Кого «его»?* Тем самым, в этих конструкциях ключевую роль играет тип морфологического показателя: «одушевлённый» vs. «неодушевлённый» винительный.

Ещё один вывод может состоять в том, что вообще употребление местоимений для неодушевлённых референтов довольно сильно ограничено. Местоимения как таковые (во всяком случае, в русском языке) устроены так, что предназначены, прежде всего, для обозначения одушевлённых объектов. Исключение составляют ситуации, которые и в русском, и во многих других языках описываются особым местоимением (в русском — лексемой *это* — ср. *Вася знал, что я приехал, а Петя этого не знал*). Ограничения на местоименное маркирование неодушевлённых объектов могут проявляться в разных конкретно-языковых явлениях и разных свойствах местоимений: например, ограничениях на связочные конструкции; «одушевлённом» типе склонения и др., однако общая тенденция остаётся неизменной.

Литература

Воейкова М.Д. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М. 2011.

Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994.

Летучий А.Б. Местоимения и одушевлённость в русских конструкциях с нулевой связкой // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М.: Изд-во МПГУ, 2015. С. 200–223.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985.

Idiatov D. A typology of non-selective interrogative pronominals. Antwerp: University of Antwerp PhD. 2007.

Malchukov A., de Swart P. Differential object marking and actancy variation // The Oxford handbook of case / ed. by A. Malchukov, A Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Alexander B. Letuchiy
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
alexander.letuchiy@gmail.com

SYNTACTIC ASYMMETRY OF THE RUSSIAN PRONOUNS SYNTACTIC ASYMMETRY OF THE RUSSIAN PRONOUNS ČTO 'WHAT' VS. KTO 'WHO' AND MORPHOLOGICAL ANIMACY

The paper focuses on one syntactic restriction on the use of the interrogative pronoun *čto* 'what'. Contrary to *kto* 'who', *čto* disfavours constructions where it is syntactically parallel and co-referent to the anaphoric pronouns *on* 'he', *ona* 'she', and *ono* 'it'. For instance, in the construction *kogo "ego"* (lit. 'who "he"'), which the Russian speakers use to find out what the antecedent of the anaphoric *ego* is, the pronoun *čto* cannot be used if its form differs from the form of the anaphoric pronoun. For example, the context — *Ja ego kupil. — Čto "ego"* '- I bought it. — What "it"' is impossible, because the interrogative pronoun employs the "inanimate" inflection type, the accusative *čto* being identical to the nominative, while the anaphoric pronoun follows the "animate" type, where the accusative form *ego* is identical to the genitive one. I consider possible explanations of this fact and conclude that neither a purely formal explanation in terms of form identity, nor a semantic one, based on the referential properties of the pronouns, are satisfactory. The most plausible explanation is rather that in some constructions, grammatical characteristics of the two pronouns (including animacy and, to some extent, gender) must coincide, and the morphological animacy is even more important here than the semantic one.

Key words: animacy, interrogative pronouns, anaphoric pronouns, inflection type.

References

Idiatov D. *A typology of non-selective interrogative pronominals.* Antwerp: University of Antwerp PhD. Antwerp, 2007.

Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka* [The development of the category of animacy in the history of the Russian language]. Moscow, Lyceum, 1994. (In Russ.)

Letuchii A. B. [Pronouns and animacy in Russian zero copula constructions]. Mestoimeniya i odushevlennost' v russkikh konstruktsiyakh s nulevoi svyazkoi. *Tipologiya*

morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference]. Ed. by E. A. Lyutikovoi, A. V. Tsimmerlinga, M. B. Konoshenko. Moscow, 2015, pp. 200–223. (In Russ.)

Malchukov A., de Swart P. Differential object marking and actancy variation. *The Oxford handbook of case.* Ed. by A. Malchukov, A. Spencer. The Oxford handbook of case. Oxford, 2009.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relations with reality]. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russ.)

Voeikova M. D. *Vinitel'nyi padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Accusative case. The materials for the project structural descriptions of Russian grammar]. (http://rusgram.ru). Na pravakh rukopisi. M. 2011. (In Russ.)